

УДК 82(091)

БАСМАЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ,
ЭВОЛЮЦИЯ, МЕСТО В ИСТОРИИ

**Ибраимов О.И. КР УИАнын Түштүк бөлүмүнүн
төрагасы, академик
Кыргыз-Түрк “Манас” университетинин чыгыш
тилдер бөлүмүнүн башчысы**

Басмаческое движение в Средней Азии и Закаспийском регионе долгое время оставалось за пределами серьезных, объективных научных изысканий по причине негласного табу на тему советских исследовательских структур. Причиной этого было одно: в этой тематике могли вскрыться события и обстоятельства, о которых не хотелось публично говорить, тем более обсуждать их. В учебниках по истории СССР весь процесс революционных преобразований и установления советской власти освещался как триумфальное шествие идей марксизма и ленинизма, массовая народная поддержка, оказанная советской власти, всеобщая радость освобождения от эксплуататорского гнета и, как результат, ратный труд стахановцев. Да, говорилось, что белогвардейское сопротивление было, была и гражданская война, унесшая 2 500 000 человеческих жизней, что были саботаж кулачества, разные «шпионы» зарубежных спецслужб, обнаруженных чуть ли в самом Кремле, но утверждалось, что все они были побеждены бдительными чекистами, легендарными чапаевыми, буденными, котовскими, щорсами и т. д. Да, были определенные исследования, где изучалась басмаческая тематика, но раскрыть полную и объективную правду было не в интересах советской исторической науки, которая долгое время не могла выйти за строго очерченные политико-идеологические рамки. В общедоступных трудах басмачество рассматривалось не иначе как движение неких преступных отрядов, преследующих экономические интересы, организованных криминальных групп, террористов, бандитов, которых Красная армия успешно ликвидировала. Многочисленные ошибки и перегибы, касающиеся массового террора, голода и разрухи, сталинского ГУЛАГа, насилия, ущемленных человеческих прав и свобод, ставшие результатом политики власти большевиков, замалчивались.

После распада СССР этот тяжелый занавес все-таки удалось приподнять и немного приблизиться к истинной картине событий и процессов. Можно перечислить научные работы, написанные еще в советское время, где пролит определенный свет на истоки и причины басмачества и где оно рассмотрено как факт гражданской войны в Средней Азии, как целое повстанческое движение, возникшее в 1920-е в процессе установления советской власти и пришедшее к своему концу только к началу Второй мировой войны¹

¹ Три года Советской власти: сб. ст. Ташкент, 1920; Сафаров Г.И. Колониальная революция (опыт Туркестана). М. 1921; Сафаров Г.И. Национальный вопрос и пролетариат. М. 1923; Сафаров Г.И. Колониальная революция. М. 1921; Муравейский С.Д. Очерки революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926; Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931; Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1930; Ходжаев Ф. Очерки революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926; Он же: К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926; Зевелев А.И. Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1968; и др.

Нужно признать, что установление диктатуры большевиков, как всякой революционной власти, не было легким и гладким процессом. Новая власть сталкивалась с самыми различными проблемами, в том числе элементарным непониманием сути политики советской власти. Но это была очень радикальная и непримиримая власть. Воинственный атеизм Советов, классовое разделение, лозунги «Грабь награбленное!», «Бей буржуя!», «Кто не с нами, тот против нас» вызывали обратную агрессию, перешедшую в вооруженное сопротивление. То, что советская власть проводила политику защиты бедных, рабочих и крестьян, была хорошей и справедливой политикой, но она реализовывалась с такой жестокостью и насилием, что в умах людей сложился какой-то когнитивный диссонанс, понятийное раздвоение. Высокие революционные лозунги соседствовали с насилием, поддержка новой власти – всяческим противодействием ей, свет оптимизма – с тьмой фанатизма, и они, во всем их смешении и коловращении, создавали такой бурнокипящий политический и социальный коктейль, что многим было очень трудно разобраться во всем этом и дойти до истины. Одни ликовали, видя, как отбирают у богатых имущество и отправляют их в тюрьму или ссылают в Оренбург, на Украину, но немало было и сторонников последних, например, сочувствующая им родня, связи, кланы и т. д. Диктатура большевиков по своей жестокости и непримиримости оказалась не менее, если не более беспощадной и суровой, чем прежняя царская администрация.

За примерно 20–25 лет диктатуры большевиков красный террор имел место не единожды, как многие думают, а *дважды*: в первые годы большевистской диктатуры (1918–1924), в так называемый ленинский период, во время гражданской войны, а потом в 1937–1938 годах. Но это уже были годы правления Сталина. Слова «расстрелять», «ликвидировать», «уничтожить», «раскулачить», «привлечь», «сослать», «разоблачить (разных «шпионов» западных стран) врагов народа», «контра», «буржуи» и другие подобного рода стали активным лексиконом большевиков как минимум в течение всех довоенных лет. Это было действительно опасное, тревожное, достаточно мрачное время, когда страх и неопределенность охватили умы и сознание людей, унося почву под ногами.

Мрак вокруг сгустился, непроглядна ночь...

Берегись засады, родина моя! – писал Алыкул Осмонов в этот крайне противоречивый, тревожный период, когда у людей и надежд, и перспектив появилось столь много, в то же время «ежовы рукавицы», тотальная слежка, доносы и преследования, открытый террор не давали людям дышать свободно, по-настоящему расправить крылья, почувствовать себя в безопасности и защищёнными. Можно было угодить в тюрьму за сущую мелочь, за какую-нибудь «политическую ошибку», коим могли считаться неосторожно произнесенное слово, нечаянный поступок, даже намек. Это были годы черно-белых красок, абсолютно контрастных, противоречивых решений, где было очень мало места терпимости и компромиссам.

Кроме того, выяснилось, что проблема религиозного фанатизма никуда не делась, тем более что царская администрация никогда не подавляла ислам, не пыталась навязывать христианство, а к разным медресе с их ишанами и муллами отношение было достаточно терпеливое. Оказалось, не исчезли и идеи давно канувших в Лету ханств, обнаружались давно изгнанные ханы вроде Саида-Алимхана, афганского беглеца, который, находясь за пределами страны, тут же назначил своих «наместников». Вдруг реанимировался и пантюркизм, даже панисланизм, адепты которых нашлись не только во все еще живой Порте – распадающейся Османской империи, но и в новом Советском Туркестане.

Политика большевиков «грабь награбленное!» действовала и в Кыргызстане, создавала ситуацию вражды и раскола в каждом селе, каждом населенном пункте. Все это породило локальные очаги напряжения, которые потом вылились в протесты, позже – в

более организованные вооруженные выступления. Как всегда в таких случаях, появился спрос на лидеров, смелых и отчаянных вожаков, у некоторых из них, выяснилось, было не все в порядке с биографией, а другие стали поистине легендарными людьми. И все же вынуждали людей открыто выступать, браться за оружие печально известные продразверстка и систематические конфискации, на самом деле похожие на ограбление людей среди бела дня. В конце концов, они приводили к самому настоящему голоду, причем в огромных масштабах, к еще большему обнищанию людей. Советская власть вроде хотела защищать бедных, конфисковать у богатых имущество в пользу государства, что не могло не нравиться сельской бедноте, обнищавшим крестьянам, но наспех создаваемые артели, коммуны, товарищества вести эффективное хозяйство еще не были научены.

Многие басмаческие лидеры, корбаши вышли из среды красноармейцев, из ОГПУ, даже НКВД, потом, разочаровавшись, перешли на другую сторону. Но некоторые крупные вожаки, такие как Мадамин-бек, П.И. Монстров, вновь возвращались в ряды красноармейцев. Кстати, Мадамин-бек, один из самых крупных лидеров басмачества, который командовал военизированными силами, количество которых составляло около 30 000 человек, начинал как профсоюзный активист, начальник милиции в Маргелане, потом перешел к басмачам и стал корбаши. Хорошо известный Джанибек-корбаши из Узгена тоже активно сотрудничал с новыми властями, потом примкнул к басмаческому движению и возглавил отряд численностью около 500 человек. Эргеш-корбаши был начальником милиции в Коканде, потом пошел воевать с Советами.

Когда в обществе убийство человека или вынесение несправедливого приговора, т. е. «отобрать», «посадить», «сослать» – не такая большая проблема и к этому прямо или косвенно подталкивает власть, люди особо не сковывают себя веригами гуманизма и законности. В таких случаях в свои права вступают агрессия, оружие, террор. В этой неоднозначной социально-политической обстановке и зародилось *басмачество* как вооруженное сопротивление Советам, их политике, законам и порядкам. Энвер-паша, Ибрагим-бек, Джунаид-хан, Эргаш-корбаши, Мадамин-бек, Кур Ширмат, Мойдунминбаши, Джаныбек-казы, Гаип-пансат, Ади-пансат, Айтмерек-корбаши и многие другие стали известны именно в этот период. Повстанцы добились того, чтобы создать территориальное образование с названием Кокандская автономия (существовала с 28 ноября 1917 года по 22 февраля 1918 года), возглавляемая такими лидерами, как М. Танышпаев, после отставки которого его сменил на этом посту Мустафа Чокаев. По замыслу, Кокандская автономия никак не была реанимированным Кокандским ханством, а мыслилась как *многонациональная демократическая федерация народов всего Туркестана* со своим парламентом, представительными органами, политическими партиями и т. д. Но, как всегда, турки не смогли договориться между собой, начались разногласия по многим вопросам, а за это время большевики создали свое правительство в Ташкенте – ТАСР (Туркестанская автономная советская республика) во главе с Федором Колесовым, большевиком, бывшим работником железной дороги, которому некоторые источники приписывают слова: «Невозможно допустить мусульман в верховные органы власти, поскольку позиция местного населения по отношению к нам не определена». Он имел в виду, по-видимому, отсутствие явной низовой поддержки народа советизации Туркестана.

Москва поставила ультиматум перед Кокандской автономией признать советскую власть либо самораспуститься. Мустафа Чокаев отказался принять ультиматум. В ответ в Ташкент прибыл целый состав с 11 вагонами с хорошо вооруженным дивизионом под командованием Константина Осипова (были среди войск и дашнакские, армянские отряды), и автономия была ликвидирована, сменившись на ТАСР.

Некоторые из лидеров басмачества, как, например, Энвер-паша, Мадамин-бек, Ибрагим-бек, без сомнения, были людьми достаточно масштабного мышления, и их замысел выходил далеко за пределы Ферганы или Бухарского ханства. Энвер, бывший министр обороны Османской империи, младотурок, бесспорно, яркая личность, талантливый военачальник с непомерными амбициями и не случайно прозванный «турецким Бонапартом», открыто мечтал о создании Среднеазиатского пантюркистского государства, грезил создать новую империю со столицей в Самарканде. Он, тесно сотрудничая с руководством Советской России, с их согласия прибыв в Бухару, видел свою задачу в противодействии вмешательству в дела региона Великобритании. Но советские чиновники Туркестана ему не поверили, и он чувствовал их явное отчуждение, что стало последним толчком для его перехода на сторону басмачества. А потом он видел своими глазами, как большевики на словах выступают за национальные автономии, но на деле всеми способами подавляют автономии, в прямом смысле слова оккупируют объявивших о своей независимости республики Кавказа, Кокандскую автономию, пытаются вернуть в состав балтийские страны, даже Польшу, вышедшую из состава России по условиям Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 года.

Энвер-паша буквально через 23 дня после прибытия в Бухару, в так называемый БНСР, выехал за пределы города и сдался повстанцам². Так он стал одним из руководителей басмачества в Туркестане. Его титуловали не иначе как *«Главнокомандующим Вооруженными силами ислама и наместником эмира Бухарского»*, а на личной печати была выгравирована надпись: *«Верховный Главнокомандующий войсками Ислама, зять Халифа и наместник Магомета»*. Энвер-паша действительно был женат на дочери принца Селима Сулеймана, правнучке султана Абдул-Меджида, и имел статус Зятя Халифа всех мусульман, которому симпатизировал германский кайзер Вильгельм II и который однажды был представлен В.И. Ленину в качестве военного министра Османской империи.

Достаточно видной, в целом трагичной фигурой стал Мадамин-бек, который сошелся с Эргаш-корбаши, Ибрагим-беком, Кур Ширматом и другими басмаческими вожаками и воевал с частями Красной армии на территории Ферганы, в частности Андижанского вилайета. С Мадамин-беком держали связь кыргызские басмачи юга, пытались как-то скоординировать с ним свои действия Гаип-пансат, Кал-ходжа (Бахрам Ходжаев), Джаныбек-казы Узгена, а через него и Айтмерек-корбаши с его разрозненными отрядами из нынешней Кара-Кульджи.

Надо ли думать, что все члены басмаческого движения были одержимы какими-то продуманными и осознанными идейными, политическими или националистическими принципами? Далеко не всегда. Нужно учесть тот факт, что многие басмачи были обычными дехканами, семейными людьми и об учении марксизма и ленинизма не имели ровно никакого представления. Многих из них взяться за ружье заставило открытое насилие со стороны новых властей, та же конфискация имущества, оставившая целое семейство без ничего, а также механическое разделение людей на «богатых» и «бедных», сильно расколовшее общество. Среди басмачей были и обычные деклассированные элементы, бандиты, головорезы. Других обидело взятие в заложники родственников, что очень часто практиковали красные, а кое-кого присоединили в свои ряды корбаши-родственники и т. д. Но, как только рука обогрилась кровью, ни бывший дехканин, ни бывший охотник или пастух не могли спокойно вернуться домой – их ждали тюрьма или расстрел.

² Бухарская Народная Советская Республика — О.И.

В интересной книге документов П. Кокайсла и А. Усманова «История Кыргызстана глазами очевидцев» приводится история рядового басмача по имени Жоробай. Он вспоминает, что его вынудили вступить в отряд известного басмача Мойдунбека из Нооката, да и у него не было другого выбора, потому что, когда не было басмачей, жителей грабили отряды русских красноармейцев; и басмачи, и красные попеременно обкрадывали людей, забирая у них всё до последней нитки. Жена Жоробая вспоминала: джигиты Мойдунбека-корбаши забрали даже только что связанный ремень для брюк, ычкыр (ремень). В то время Мойдунбек контролировал большую территорию – от города Оша до Ферганы и Кадамжая, а в его отряде из каждого айла в отряде было по одному–два человека, причем «рекрутировали» по родовому признаку. Из рода кара-козу в отряде Мойдунбека был Маамат Исак, из рода сары-башыл – Жусубали, из рода найман – Мурат. Каждый из этих басмачей представлял в отряде одну деревню: Наамат представлял село Чилтан, Жусубали – Беш-Тал, Согот и Кошумкор; Мурат – Чаувай и т. д.³

Интересно то, что Советы в Средней Азии больше опирались на русское население, чем на местное, а русские, по-видимому, считали, что новая власть – все-таки русская власть во главе с В.И. Лениным, хотя среди басмачей были и русские кулаки, которые открыто выступали против политики большевиков и хорошо были информированы о гражданской войне, белогвардейском сопротивлении в самой России. Один из них, К.И. Монстров, русский переселенец, осевший в Фергане и ставший достаточно крупным землевладельцем, у которого работали многие местные дехкане и который стал весьма богатым человеком, перешел на сторону басмачей и создал свою крестьянскую армию. Потом он заключил союз с Мадамин-беком, чтобы общими усилиями противостоять большевикам.

Их союз вначале был успешным. Они, координируя свои действия, взяли город Ош, собирались взять теперь Андижан, а Джалал-Абад стал как бы базой К.И. Монстрова. Этот бунтарь ждал успеха российских белогвардейцев, в частности, так называемого Восточного фронта Колчака, который планировал дойти до Средней Азии и установить свою власть. Последний бой, который К.И. Монстров провел против сил Красной армии, состоялся близ села Гульча, где он потерпел неудачу, после которого он все-таки решил сдаться в руки красных 17 января 1920 года, следуя примеру Мадамин-бека. Он в сопровождении чекистов прибыл в Ташкент, даже выступил с докладом на совещании РВС Туркестанского фронта. Но, несмотря на его желание воевать теперь на стороне советской власти, его и его подопечных приговорили к расстрелу, хотя, по некоторым сведениям, он остался в живых и видели его где-то в Архангельске.

Но вернемся к русским времен советской власти. Судя по их поведению, они так и не стали частью местного социума и привычки колониальных времен у них были очень сильны, поэтому, пользуясь поддержкой и вниманием новой власти, делали все, что хотели, свидетельствуют источники. Дедушку Исака Сыдыкова, личная история которого рассказана в вышеупомянутой книге П. Кокайсла и А. Усманова, русские застрелили прямо на пастбище и забросали камнями. Он провинился тем, что в тот момент, когда увидел русских, испугался и спрятался в кустах. Кызыл-кийский отряд русских у деревни Тактек убил Топчубая Калмурзаева, ему было 25 лет. Он гнал стадо из десяти коз на рынок в Кызыл-Кию, увидев русских, убежал в ущелье, где его нашли и убили. Пуля прошла от затылка через всю голову. Через несколько дней его козы вернулись домой, но его самого родственники искали 40 дней, пока не нашли в этом ущелье⁴.

Хочется привести еще одну историю, которая рассказана в названной книге и наглядно свидетельствует о том, до какой степени доходил накал сопротивления, как

³URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2080 (с продолжениями).

⁴ URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2080 (с продолжениями).

грубо и неумело действовала власть Советов в Кыргызстане. Житель Таласа по имени Торгой был состоятельным человеком, имел несколько сот овец и коров, из-за чего его забрали в тюрьму как «врага народа». Это вызвало серьезные волнения его сородичей численностью около 200 человек, которые напали на местную тюрьму и освободили оттуда тех, кого задержала власть. После освобождения Торгой и его братья сразу же покинули Талас и нашли приют в Узбекистане, позже их отправили на строительство канала Москва–Волга. Но по возвращении в родную деревню испытал сильное разочарование из-за неприязни со стороны окружающих. Даже кровные родственники не хотели принимать их в колхоз. Скоро началась Вторая мировая война, и все четыре брата, один за другим, пошли воевать на фронт. Во время войны в Таласской долине снова появились басмачи, братья Эркинбек и Чотон. Их отец Суеркул в 1920 году участвовал в таласском восстании, позднее он организовал первую группу басмачей в области.

О враждебном отношении большевиков к религии хорошо известно. Советская власть вообще не выносила саму мысль о Боге, а мечетей и церквей вместе с их служителями считала подлежащими уничтожению, ликвидации. А когда в Туркестан пришла советская власть с ее воинствующим атеизмом, с ее радикальными социальными и политическими лозунгами, с классовой поляризацией, рост сопротивления верующих был делом фактически запрограммированным. Оно и не заставило себя долго ждать. К тому же местные большевистские кадры не отличались грамотностью, знанием сути проблем и чаще всего опирались на насилие, язык наганов и револьверов. И заговорил не язык убеждений и диалогов, а слово имел «товарищ маузер», говоря на языке «великого пролетарского поэта» В. Маяковского⁵.

Преследовали не только верующих мусульман, но и христиан. В книге «История Кыргызстана глазами очевидцев» приводится личная история перемещенного в Кыргызстан баптиста, этнического немца по имени Дмитрий: «Господь Саваоф говорит: вот бедствие пойдет от народа к народу, и большой вихрь поднимется от краев земли. И будут пораженные Господом в тот день от конца земли до конца земли, не будут оплаканы и не будут прибраны и похоронены, навозом будут на лице земли. Так и произошло: пришла напасть – эпидемия тифа, когда умирали семьями. Тогда умер и наш самый младший сын Франц, которому было 15 лет. Я и двое остальных детей тоже слегли в постели, но мы, в конце концов, выздоровели. После долгих мучений умер мой брат Абрам, и в нем наше поселение потеряло одного из тех, кто объединял всех людей.

В те голодные годы мы развернули в наших селах столовую. Днем люди забивали двух выкормленных бычков, мясо нарезали на мелкие куски и варили в больших котлах, добавляя картофель, свеклу или пшенку. Потом 400–500 кыргызов получали два раза в день по одной миске супа. Кыргызы спали в больших пустых сараях на соломе, когда было время, мы могли читать им что-то из Библии. Так мы поступали в течение почти одного года, потом пришел приказ с запретом, и всему этому наступил конец. Но в это время все равно наши средства кончались, по причине того, что все было реквизировано. Конфисковали все: зерно, картофель, другое добро лежало в больших кучах на улице, под сильной охраной, но потом все это сгнило из-за снега и дождя. Немцы и русские крестьяне кое-как держались, но вокруг вымирали целые рода, прежде всего кара-кыргызы в горах. Голод привел к падежу огромного количества животных, которые перед этим были конфискованы у кыргызов: коней, коров, верблюдов и других мелких

⁵ Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово, товарищ маузер.
В. Маяковский.

животных. Антирелигиозная пропаганда была сильна, и огромное число людей было осуждено без суда и следствия. Если в биографии, подаваемой в отдел кадров, стояло – «верующий», это означало, что его положение всегда будет намного хуже всех остальных, неверующих»⁶.

Но самая примечательная история, достойная упоминания в контексте данной темы, – это жизнь и деятельность одного из видных политических деятелей из среды кыргызов Торокула Джанузакова, перешедшего в ряды басмаческого повстанческого движения, имея за собой высокий пост заместителя председателя ЦИК Туркестанской АССР. Это почти единственный случай, когда столь важная фигура в политической системе советской власти прямо переходит на сторону врагов этой системы. Есть, правда, пример Энвера-паши, который тоже тесно сотрудничал с руководством СССР, был представлен самому В.И. Ленину, близко знал Г. Зиновьева, С. Орджоникидзе, ряд других важных деятелей Союза и попросился в Туркестан, чтобы помочь большевикам в борьбе с англичанами, которых он ненавидел и которые хотели отделить этот благодатный край от России. Энвер, прибыв в Туркестан, недолго сотрудничая с большевиками, не раздумывая перешел на сторону басмачества, в котором он увидел силу, способную создать новый халифат на основе ислама и общетюркских ценностей. Но его планам не дано было сбыться, так как был убит теми же басмачами в Таджикистане.

А Торокул Джанузаков, прожив всего 28 лет и с молодых лет активно включаясь в политический процесс своего времени, многого добился в политике, как «промелькнувший метеор» (выражение историка академика В.М. Плоских), но у Торокула на революцию и крушение царизма была своя точка зрения. Он, помня колониальные времена, хорошо зная национальную катастрофу кыргызов 1916 года, не мог представить себе, что после всего этого еще возможна какая-то совместная жизнь с Россией, пусть даже советской. Он видел в Октябрьской революции прежде всего шанс освободиться от России, создать независимый, единый Туркестан. Поэтому, работая с новыми властями и будучи избранным заместителем председателя ЦИК Туркестанской АССР со столицей в Ташкенте, он сильно разочаровался в реальных делах и планах большевиков. И оказался среди таких видных деятелей того времени, как казах Турар Рыскулов, один из первых руководителей Башкирской Республики Зеки Велиди, узбек Мунаввар Кары, которые тоже думали о перспективе суверенного Туркестана. В сентябре 1920 года Торокул Джанузаков возглавляет делегацию туркестанских народов из 40 человек на I Конгрессе народов Востока в Баку и выступает там с докладом, полемизируя с такими представителями Москвы, как Г. Зиновьев, и в принятой резолюции конгресса была зафиксирована особая позиция туркестанской делегации по вопросу о будущем тюркских народов бывшей империи. Как пишет К. Кожомкулов, «передовые представители национальной интеллигенции окраин бывшей царской империи не могли не ощущать двойственности национальной политики большевистской власти. С одной стороны, провозглашение идеи самоопределения нации, а с другой – насаждение централизованной власти, закладывание основ будущего тоталитарного государства, подавление любых попыток национального самоуправления»⁷. В отличие от других Торокул был слишком прямолинеен, слишком патриотически настроен и решил перейти на сторону басмаческого повстанческого движения. Но не успел по-настоящему развернуться в новой среде, к тому же политический уровень и разрозненность повстанческих сил не оставили у него никакой надежды на реализацию его планов и мечтаний о суверенном Туркестане. Он даже думал вернуться назад, туда, откуда он недавно ушел. Но его убили в декабре

⁶ URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2080 (с продолжениями).

⁷ Журнал «Соцфорум». №2. 2011–2012 Декабрь–январь.

1921 года, причем непонятно, кто его убил – красные, которые не простили его уход от них, считали «националистом», как Дмитрий Фурманов, с которым Торокул был буквально на ножах и который целую главу посвятил ему в своем романе «Мятеж», или басмачи, для которых он был некоей белой вороной со слишком масштабными планами и совсем другим видением целей и задач басмаческого сопротивления.

Вот такие человеческие истории, если взглянуть на жизнь и социальную прослойку басмачества. Надо учесть, что численный состав басмачества, разрозненного и не объединившегося, в конце 1920-х насчитывал до нескольких десятков тысяч человек.

Однако ни белые в России, ни басмаческие отряды в Туркестане так и не смогли добиться успеха. После ряда успешных военных операций Красной армии противники советской власти отступили и на западе, и на юге, и на востоке СССР, не найдя реальной народной поддержки в обществе, на что они рассчитывали. Не помогло и английское вторжение в Среднюю Азию, где была отдельная военная миссия во главе с генерал-майором У. Маллесоном, а в Ташкенте была миссия под руководством полковника Ф. Бэйли, целью которых было помочь повстанцам и отделить Туркестан от Советской России. Военные операции англичане проводили на территории современного Туркменистана, был даже взят Ашхабад, они оказали военную помощь закаспийским басмачам, но дальше развивать успех не получилось опять же из-за отсутствия поддержки со стороны населения и численного превосходства красных.

В конце концов, басмачество разбилось на мелкие группы, кое-кто перешел на сторону советской власти, как Мадамин-бек и К.И. Монстров, а Т. Джанузакова убили, другие бежали в Китай, дальше в Афганистан и Пакистан. Движение так и не сумело поднять свой политический и моральный авторитет в глазах народа, привлечь людей своими сильными идеями, планами и лозунгами. Тем временем советская власть очень активно вела пропагандистскую работу, старалась налаживать жизнь простых людей. Все это создало для новых властей намного более благоприятную политико-психологическую атмосферу, чем басмачам.

Началом масштабного разложения рядов басмачества стал переход Мадамин-бека на сторону красных. Переходя, он взял на себя ответственность вести переговоры с лидерами басмачества, с чем он пошел к Кур Ширмату. Но этот корбаши с вечно темными очками и всегда очень злой и жестокий, категорически не хотел следовать примеру Мадамин-бека. Он устроил тайную засаду, быстро взяв в окружение небольшой отряд, Мадамин-бека убили с особой жестокостью в кишлаке Вуадиль в 1920 году, обезглавив и надругавшись над телом.

Красные командиры использовали все способы и методы, чтобы уничтожить басмачей, включая подкуп, обман, обещания, даже деньги. Так убили легендарного Айтмерека и его выдающегося соратника Абдыша. Первого убил засланный шпион по имени Маматбай, а второго выследили и застрелили на круче высоченной скалы, где было орлиное гнездо и где он несколько дней отстреливался, не давая себя взять, уничтожая одного за другим преследователей. Как гласит легенда, после выстрела предателя он падал с такой головокружительной высоты, при этом успев обернуться и выстрелить, и ударился об выступ скалы, где и осталось его тело. Позже поклонники Абдыша хотели найти его тело и тайно предать земле, но добраться до середины неприступной скалы Жутьгурских заснеженных гор никто не осмелился.

В конце концов, был убит и Энвер-паша, который сумел, проявив талант полководца, захватить Душанбе, потом Карши, организовать поход в Бухару, собрав армию численностью 20 000 человек. Он отправлял в Москву требования немедленно вывести войска, а в Берлин, где его очень хорошо знали и ценили, – просьбы прислать самолеты для геологоразведки и горных инженеров, ибо он очень плохо знал местность, в целом всю Среднюю Азию, чтобы успешно воевать.

Но его армия, в рядах которой было очень много случайных людей, иногда разных деклассированных элементов, не росла ни по качеству, ни по численности, а Красная армия становилась все многочисленнее, активнее и с явным моральным превосходством. И это решило все. Энвер-паша сделал все, что мог: старался вести переговоры с англичанами, басмаческими лидерами типа Ибрагим-бека, который вообще отказался его признать в качестве главнокомандующего всеми басмаческими отрядами Бухары, Хивы и кокандской части Туркестана. Он же отказался помочь ему, когда близ села Чаган, недалеко от города Балджуан, 4 августа 1922 года он принял сражение с красными. Там же он был убит ударом шашки, ему снесли голову и часть туловища. Рядом с ним был найден Коран. Так был убит легенда Османской империи, убежденный германофил-западник, который метался между тремя центрами политики: Османской империей, которая доживала свои последние дни, властью большевиков во главе с Лениным и Туркестаном, который он желал видеть неким халифатом, самостоятельным и пантюркистски-панисламистским.

Война с басмачами была достаточно затяжной, но, в конце концов, над ними был одержан верх. Главное условие победы Красной армии – поддержка народа, который все-таки отдал предпочтение Советам с их социалистическими лозунгами и реальными делами. Кыргызы, все еще находящиеся в состоянии посттравматического периода, закрывали глаза на многое, что делалось не так, как хотелось бы, помня помощь советской власти участникам восстания 1916 года. Народ видел действительную работу властей среди населения в сфере народного просвещения, по ликвидации неграмотности, защите женщин, предоставлению им равноправия. Молодежь массово тянулась к учебе. Ленин стал почти мифическим героем, «ата», который якобы заботился о благе простых людей, рабочих и крестьян и завещал учиться и еще раз учиться. Это не могло не действовать на умы и поведение людей. «Всякие политические и административные меры, затрагивающие права бывших угнетателей, подрывающие их социально-экономические устои, воспринимались с большим энтузиазмом, вызывали живой отклик, прилив творческого вдохновения», – справедливо замечал один из внимательных исследователей кыргызской культуры того периода С. Джигитов⁸.

Об этом состоянии надежд, светлых ожиданий и о стремлении к знаниям лучше многих написал один из зачинателей кыргызской литературы М. Элебаев в классическом стихотворении «Томлюсь».

Не находя соответствующей поддержки со стороны народа и из-за рубежа, басмачество не смогло противостоять Красной армии, превосходящей его по всем параметрам. Оно достигло своего пика примерно к середине 30-х годов XX века, когда басмаческое движение начало распадаться на мелкие группы, похожие на разбойничьи банды. Борьба с басмачеством была некой гибридной войной, где хороши были все средства, включая обман, подкуп, сталкивание друг с другом, тайное убийство лидеров и т. д. Уже к концу 20-х годов XX столетия движение осталось без серьезных, авторитетных лидеров, которые либо были убиты, как Энвер-паша в Таджикистане, как К.И. Монстров в Ташкенте, как Хал-Коджа с его отрядом в горах Алайку, задавленным огромной снежной лавиной при переходе через перевал, открывающий путь в Китай. Джанибек-корбаши ушел в Китай, потом – в Афганистан, оттуда – в Пакистан. Мадамин-бек после долгих переговоров решил сотрудничать с красными и перейти на их сторону, обещая и других басмачей уговорить сдать.

Последнего кыргызского басмача ликвидировали в 1940 году в горах Аксы под руководством Арстаналы Осмонбекова, который с 1921 года был командиром Конного

⁸ Джигитов С. Обретение новых традиций. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. С.95.

дивизиона красных добровольцев и одним из тех, кто возглавлял борьбу с остатками басмачей Андижанского региона.